

18+

Вячеслав Марченков

Анекдоты и Сатира

Вячеслав Марченко

Анекдоты и Сатира

«Издательские решения»

Марченков В.

Анекдоты и Сатира / В. Марченков — «Издательские решения»,

В книге «Анекдоты и сатира» собраны сатирические рассказы над которыми не только можно от души посмеяться, но есть над чем задуматься. Как сказал Юрий Трифонов: «Когда в литературе показывают отрицательный персонаж, никто себя с ним не отождествляет, когда же в общем хорошем человеке показывают отрицательные черты, читатель начинает узнавать себя».

© Марченков В.

© Издательские решения

Содержание

Белая горячка	6
Голод, не тётка!	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анекдоты и Сатира

Вячеслав Марченков

© Вячеслав Марченков, 2026

ISBN 978-5-0070-6379-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белая горячка

Голова трещала, как пионерский барабан на зорьке. Во рту пересохло, но думать о том, чтобы встать и пойти на кухню выпить холодной воды из-под крана, было не самое подходящее время для этого. По квартире с видом разъярённого тигра носилась жена. Я приоткрыл один глаз.

— Не делай вид, что ты спишь! Отвечай мне. За что ты пьёшь? Только не говори, что тебя все время угощают твои друзья. Ты собираешься устраиваться на работу, или так и будешь всю жизнь сидеть на моем горбу?

Слова сыпались из неё бесконечным потоком, и перечить ей не то, что не хотелось, а просто не было никакой возможности.

— У меня пальто скоро прирастёт к телу, как панцирь к черепахе, дети разуты. Да что ж это такое творится?

Оставалось одно, не шевелясь, выдержать паузу, пока жена сама по себе успокоится.

Наконец пик возмущения прошёл, и я решился ответить ей:

— Ну ладно, котик, не ругайся. Погорячились, и хватит. Все, ты меня убедила, бросаю маяться дурью, и завтра же иду устраиваться на работу.

Жена, первый раз за время нашего разговора, посмотрела мне прямо в глаза и уже спокойным, оттаявшим голосом сказала:

— Верю!

На следующий день ранним утром, выйдя из подъезда дома, я решительно настроился найти себе работу. Водительское удостоверение, военный билет, трудовая, все было при мне, и я твёрдой походкой двинулся к центру общения нашего города — рынку! Не прошёл я и одного квартала, как меня на велосипеде догнал сосед по подъезду.

Гена, так его звали, был лет на десять старше меня, но телосложением походил на десятиклассника. Этот аферист, да к тому же неисправимый лентяй, всю свою несознательную жизнь работал, а правильнее сказать числился, на заводе снабженцем и вечно попадал в какие-то совершенно невероятные приключения.

— Здорово, сосед! Куда путь держишь?

Весело и быстро, как из пулемёта, застрочил Гена.

— Да вот, иду искать работу,

Ответил я, надеясь поскорее от него отвязаться. Но не тут-то было. Я угодил в «яблочко».

— Слушай, тебя мне сам бог послал.

Обрадовался он.

— Постоянную работу ты всегда успеешь найти, а у меня, как раз сейчас, есть хороший калым.

— Какой?

Уже с неподдельным интересом отозвался я.

— Моей тёще, в деревне, дрова привезли. Надо попилить. Бензопила есть, бабки плачу я. Одному в облом, твоё дело подавать хвосты.

Меня это устроило, мы ударили по рукам. Я сбегал к приятелю за велосипедом, и без лишних сборов мы покатали в деревню.

Началось все с того, что племянница тёщи моего компаньона решила заколоть поросёнка. Нас попросили помочь и отказать, естественно, было нельзя. Резать взялся её сосед, дока в этих вопросах, дед Иван. К этому делу он подошёл обстоятельно, не торопясь. Прежде всего, мы выпили, так сказать, за успех нашего мероприятия, потом повторили за наше здоровье, потом за богатство в доме, и только после этого решили приступить к делу. Хозяйка, видимо, деньги на корм для своего питомца не экономила, поэтому свинья, которую мы увидели, весила, по

меньшей мере, пудов двадцать. От вида этого зверя у меня по всему телу пробежали мурашки, и самогон, не усвоившись в организме, выступил испариной на лбу. Но отступать было поздно. Племянница, открыв калитку загона, ушла, сославшись на жалость к своему воспитаннику, но жалеть надо было не его. Поросёнок, словно чувствовал опасность и с диким визгом таскал нас троих по загону. Все, что мы смогли сделать, так это набросить верёвку на шею бедолаге, и привязать её к калитке. Дальше дело не шло. Необходимо было срочно промочить горло и обсудить новый план действий. Мы вошли в дом, налили по рюмке, выпили, и стали громко спорить, доказывая друг другу, как лучше выйти из создавшегося положения. Решение пришло само собой. В разгар нашего спора вдруг отворилась дверь, и на пороге мы увидели хозяйку с удивлением на лице:

— А поросёнок-то где? — воскликнула она.

— Как где?

Теснясь в двери, мы выскочили во двор. Поросёнка, калитки загона и половины забора в придачу не было. След тянулся куда-то за дома, к лесу.

— На вольные хлеба подался.

Изрёк Гена.

— Да, на рынке нынче мясо в цене!

Поддержал его дед Иван.

Я же, глядя на растерянный вид хозяйки, от комментариев отказался. Ей было явно не до смеха. Искать сумасшедшую свинью мы напрочь отказались и вернулись к своему непосредственному делу, ради которого и приехали. Но внутри нас, к сожалению, уже проснулся бес, который не просил, а требовал ещё возлияний. Пока Генкина тёща помогала племяннице в розыске пропавшего животного, зять тщательно обследовал жилище в поисках спиртного и нашёл целую флягу с уже отстоявшейся брагой. Двоим, пить было скучно, поэтому, оставив дрова на потом и погрузив флягу на один из велосипедов, мы отправились в обратный путь. Кто же мог знать, что он окажется намного длиннее, чем предполагали. Останавливаясь, время от времени, мы проверяли содержимое фляги на вкус, пока притяжение земли не стало чувствоваться так явно. И наконец, хмель победила нас окончательно. Завернув на одну из полянок, встретившейся по пути, мы решили немного отдохнуть. Мой друг тут же отошёл ко сну, да и мои веки мало-помалу стали тяжелеть. Но то, что произошло в следующее мгновение, решительно лишило меня и сна, и хмеля. На поляну, таща за собой на верёвке калитку от загона, с визгом и хрюканьем выскочил тот самый поросёнок, за которым охотилась вся деревня. Глаза его сверкали, как два уголька от костра, рот был открыт, и из него пузырями стекала пена. Я почувствовал, как волосы у меня на голове стали в вертикальное положение и глаза медленно, но уверенно вылезают из своих орбит. Но это было только начало.

— Привет, братан!

Прохрипел он, обращаясь ко мне.

— Ты мне не поможешь?

От страха я онемел. Руки и ноги отказались подчиняться мне окончательно. Между ног ощущалось тепло недавно выпитой браги.

— Да ты вообще потух!

Продолжал он, видя моё шоковое состояние.

— А недавно кидался на меня, как петух на квакушу. Э, очнись! Не надо думать, что я твоя белая горячка. Она придёт, но потом. А сейчас мне нужна твоя помощь. Избавь меня от верёвки с калиткой, кстати, которую ты, вол чара, на меня и набросил.

Кабан подтащил ещё ближе ко мне дверь:

— Вы все-таки у меня в долгу. Надо же, чуть-чуть под нож не пустили. Че, свежатиной захотели?

Страх понемногу стал отпускать мою бренную душу, и я прошептал:

— Ты кто?

— Конь в пальто! Не видишь, что ли? Кабан я, кабан!

— Я умер или сплю?

Вырвался из меня глупый вопрос.

— Нет, ты в цирке, а я, пони с тележкой!

Пошутило животное. Чтобы окончательно рассеять сомнения по поводу моего сумасшествия, я несколько раз сильно толкнул в бок товарища. Гена выругался и открыл глаза, но, когда увидел стоящего на поляне поросёнка, смог только еле слышно выдавить из себя:

— Допились!

А после того, как животное заговорило, он вообще ошалело открыл рот, и больше от него никто не услышал ни слова. Кабан тем временем продолжил:

— Слушайте, мужики, так вы сейчас на консилиум соберёте всю деревню. Почудили и хватит. Помогите мне избавиться от этой ерунды,

Он пятачком ткнул в калитку,

— и я исчезну, как мираж.

Зверь улыбнулся, показав ряд жёлтых зубов. Надо было что-то предпринимать, и я, собрав в кулак последние остатки мужества, на коленках подполз вплотную к зверю и стал развязывать узел, который сам и завязывал. Руки не слушались, а поросёнок хрипел мне на ухо:

— Ты только посмотри, приятель, как я верёвкой лопатку стёр, аж, до крови,

И он повернулся ко мне боком, демонстрируя правую ногу, на которой и в самом деле было красное пятно.

— Но зато грамотно следы запутал. Вряд ли, они меня теперь найдут, если вы не сдадите.

— Кабан внимательно посмотрел сначала на Гену, потом на меня и сам себе ответил:

— Нет, не расколитесь, свой в доску!

Тем временем узел на верёвке поддался, и зверь оказался на свободе.

— Куда ж ты теперь?

Осмелел я.

— Скоро зима, замёрзнешь!

— Ничего, мир не без добрых людей, в полесье подамся, там нашего брата жалуют, зимой подкармливают. Семьёй обзаведусь. Ты-то женат?

Спросил он меня.

— Небось, холостяком озорничаешь?

— Да нет, женат.

Проямлил я.

— Отчего тогда брагу хлещешь, как я пойло? Влетит вам от Михайловны, это её фляга, узнаю. Она часто в закутке у меня от деда её прятала, сегодня, наверное, гнать собиралась. Вы ей помогли, избавили старушку от лишних хлопот.

И он, смеясь во все горло, захрюкал.

Не знаю, долго или нет, пришлось бы нам терпеть его остроты, но где-то недалеко послышались приближающиеся человеческие голоса, и кабан замолчал, прислушиваясь. А потом тихо, почти шёпотом, произнёс:

— На хвосте повисли. Ладно, теперь я налегке. Спасибо, братцы, век не забуду!

Поросёнок на прощание опять хрюкнул и исчез в кустах.

— Не знаю как ты, а я уж точно век не забуду!

Не понятно кому громко сказал я и посмотрел на Гену. Выражение его лица не изменилось с тех пор, как он впервые увидел животное. Такой же безумный взгляд, и глупая улыбка. Что у меня сейчас не вызывало сомнений, так это то, что мой товарищ тронулся умом! Сам себе я казался вполне вменяемым. Пытаясь привести друга в чувства, я стал ладошками бить его по щекам, но в ответ получил сильный апперкот в челюсть. Так, что очнулся я от едкого

запаха нашатыря. Гены рядом не было. Надо мной в белом халате склонилась какая-то незнакомая, женщина.

— Слава богу!

Прозвучал, как будто издалека, её голос:

— Живой! Ну, у вас, милые мои, и аппетит на спиртное! Это ж надо, без закуски, на двоих браги вылакали больше половины фляги. Откуда на это здоровье берётся?

— Нашли свинью?

Зачем-то спросил я женщину.

— О-о-о, и этого надо везти в больницу. Сильное алкогольное отравление.

Как приговор, услышал я ответ.

— Пропадают мужики на глазах!

— Все-таки, белка!

Мелькнула мысль, но из окна «скорой» всё же заметил калитку, лежащую на поляне.

P. S.

Я выписался из больницы, бросил пить, нашёл хорошую работу, в общем, все у меня нормально, а вот поросёнка так и не нашли!

Голод, не тётка!

— Товарищи солдаты, сержанты и офицеры!

Командирским голосом, громко и не торопливо произнёс комбат. На плацу коробками повзводно стоял батальон, а перед ним, словно сирота, одиноко повесив голову, переступая с ноги на ногу, ёжился солдат.

— Какое наказание придумаете вы этому балбесу?

Строй взорвался смехом. Было понятно, о ком идёт речь, а комбат тем временем продолжал:

— Это ж надо, офицерский состав батальона оставить без завтрака, подрвать боеспособность нашей армии! Да ты шпион!

— Засланный казачок!

Закричал кто-то из строя.

— В военное время таких, как ты, расстреливали без суда и следствия.

Не унимался старый служака.

— Дайте ему пять суток «губы»!

Опять вмешался какой-то шутник.

— Нет, лучше отпуск!

Поправил его другой, и батальон снова задрожал от смеха.

— В моей практике,

Не обращая внимания на выкрики, растягивал слова комбат,

— Дай бог припомнить, такого случая не было. Ну, костью давились. На ходу теряли штаны, набитые хлебом. Расстройством желудка не в меру страдали, но такого! Сынок!

Обратился он к солдатику,

— Поделись с товарищами опытом, как ты смог в одиночку слопать целую выварку котлет? А помер бы ненароком? Что мне родителям отписывать пришлось бы? Ваш сын геройски погиб при выполнении задания в офицерской столовой? При этих словах старый офицер, а вместе с ним и подчинённые, неудержимо зашлись хохотом. Давая время всем успокоиться, комбат выдержал паузу, а затем скомандовал:

— Батальон, смирно! Капитан Бондарёв, выйти из строя!

Обратился он к командиру роты, из которой, видимо, был солдат. Чекая шаг, из строя вышел офицер, ниже званием и моложе годами.

— Приказываю! Рядового Волкова на время несения службы в нашей части в наряд по офицерской и...

Здесь он опять фыркнул, сдерживая смех,

— Солдатской столовой не назначать!

— Есть!

Ответил ротный.

Уже полгода рядовой Волков, это я! Где-то там, за забором нашей части, остались мои родители, друзья, моя девушка, одним словом, гражданка! До дембеля ещё пыхтеть и пыхтеть, но сейчас речь не об этом. Я хочу вам рассказать о том, каким образом оказался в таком идиотском положении. Раньше, то есть до армии, я никогда не страдал припадками аппетита, проще говоря, обжорством, да и в начале службы со мной такого не было. Наверно, правильно говорят деды, «пока мамкины пирожки не выветрились. Но потом со мной что-то произошло. Времени, отведённого для приёма пищи, мне вечно не хватало, а прятать хлеб в карманы не позволяла гордость. Думаю, поэтому во мне и накопилась голодная злость ко всему съестному. Однажды я просто не смог с ней справиться. Это произошло вчера. Итак, все по порядку. Перед вечерней проверкой меня к себе в каптёрку вызвал наш старшина Лакашин, человек в годах, живший с

юмором и спиртным в дружбе и не терпевший пререканий со стороны солдат, одним словом, прапорщик. В этот раз он был в явно хорошем расположении духа, потому что шутил, пытая своего зама, старослужащего Дивненко.

— Ну, что, хохляра, признавайся, куда замыкал пять банок тушёнки с «НЗ»? Обменял, сволочь, у «сверчков» на пиво или посылкой отправил своих бендеровцев кормить?

Тот, конечно, отнекивался, божился и крестился, что знать не знает, ведать не ведает, куда проклятая свинина могла деться, лукаво глядя на старшину:

— Товарищ прапорщик, зря вы меня обижаете! Месяц назад сами докладывали ротному, что крысы три «парадки» и два бушлата сожрали, падлы. Скорее всего, тушёнкой они закусывали.

Лакашин ничего не успел сказать, так как в это время в разговор вмешался я:

— Можно, товарищ прапорщик?

— Можно Машку за ляжку, козу на возу, а всё остальное, разрешите! Понял, солдат?

Не оборачиваясь ко мне, сострил старшина:

— Так точно, разрешите?

Исправился я.

— Входи, рядовой Волков. Вызвал я тебя потому, что стране угрожает опасность.

Начал он издалека.

— Ефрейтор Левчук, находясь на боевом задании в офицерской столовой, потерял равновесие и подвернул ногу, пришлось срочно эвакуировать в тыл. Передовая ждёт подкрепления! Поэтому приказываю: Бросай «Катю» (так называют полотёр), одевай сапоги-скороходы и мигом в столовую.

— Есть!

Отчеканил я и пулей вылетел из каптёрки.

— Ну, Лева, ну, гад!

Крутились у меня в голове мысли о сослуживце.

— Надо же, закосил!

Пословица: «Держись подальше от начальства, поближе к кухне», не всегда соответствует действительности, особенно в армии. И вот почему. Прибежав в столовую, первым делом я обратился за инструкциями к шеф-повару. Она же по совместительству и заведующая, женщина, возрастом не старше моей мамы, но комплекцией больше похожая на мясника из лавки.

— Слушай меня внимательно, сынок!

Начала она;

— Во-первых, начистишь картошки. Во-вторых, почистишь от нагара плиты, подметёшь и помоешь полы, вынесешь мусор, наточишь ножи...

Здесь заведующая запнулась, набирая воздуха в лёгкие, но, подумав немного, сказала:

— Ладно, хватит пока и этого. Смотри, если что-то пропадёт, порублю на отбивные!

Сомневаться в искренности этих слов, судя по её виду, не приходилось.

— Приду, проверю!

Уходя, добавила она.

— Вы даёте мне нереальные планы!

Крикнул я вслед известную фразу, но так, чтобы никто не услышал. От запаха продуктов, висевшего туманом в столовой, сводило живот. Недавний ужин для желудка остался не замеченным, и я ради любопытства заглянул в кастрюлю, стоявшую на плите. О господи! Лучше бы я туда не заглядывал. Повара, для того чтобы не возиться рано утром, приготовили котлеты заранее. Оставалось их только подогреть и подать к завтраку. Грамотно сделали, что тут скажешь? Одного не предусмотрели они. Это, голодного солдата в «наряде». Увидев котлеты, я окончательно потерял власть над собой, руки произвольно потянулись за ними.

— Только одну!

Попытался образумить я себя, но не тут-то было. За первой последовала вторая, за ней третья, четвертая... После восьмой или девятой я сделал передышку, чтобы промочить горло водой. Глядя на кастрюлю с котлетами, я понял, что мне конец. Ничто теперь не могло спасти меня от расправы. Успокаивало одно, умирать буду не голодной смертью!

Мои челюсти, как жернова, перемалывали котлеты, уничтожая боевой запас офицерской столовой. Когда я увидел дно кастрюли, живот уже раздулся так, что пришлось расстегнуть ремень и пуговицы на брюках. Желудок давно насытился, но оставлять недоеденными котлеты мне показалось кощунством и расточительством! А когда с проверкой нагрянула заведующая, в глазах у меня уже плыли разноцветные круги, голова кружилась, и я с трудом держался на ногах, но жевал! Она поняла все сразу, вызвала «дежурку» и меня в срочном порядке, как и предшественника, отвезли в санбат. Там быстренько сделали клизму, после которой я всю ночь дежурил на унитазах, а утром отправили в часть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.